

УДК 101.1:316.77

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.1.085

ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО И АЛГОРИТМИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

С.В. Даведенко

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,
г. Самара

В статье анализируются феномены новой культуры – цифровой, требующие интеграции подходов и методов гуманитарных, социальных и информационных, вычислительных наук, поскольку в цифровой цивилизации происходит пересборка всех норм и ценностей «обычной» социальности. Новая постчеловеческая цифровая социальность сопряжена с цифровой трансформацией личности не только на уровне неопрофессий, но и в смысловом поле, и в системе ценностей. В статье рассмотрено понятие «цифровой симулякр» как псевдознак, замещающий реальность посредством цифровой симуляции с помощью специального программного обеспечения. Личность отказывается от реальности, в том числе от реальности знака, заменив и реальность, и смысл образом, картинкой, знаком знака – цифровая личность уже не обладает телом и смыслом, становясь знаком самой себя. Автор эксплицирует информационную субъективность как успешность алгоритмизированных практик самовыражения. С этой целью предложен концепт «цифроцентричная личность», которая идентифицируется прежде всего через экстернальный локус, профессионально-деятельностный статус, неопрофессии – стримера, геймера, блогера, пикчерсерфера, зерокодера, тиктокера и др. Цифроцентричная – уже цифровой симулякр, но все еще личность, которая обладает переходной, промежуточной аксиологией от ценностей антропных, человеческих к ценностям исключительно искусственного интеллекта.

Ключевые слова: *социальные ценности, алгоритмические практики, цифроцентричная личность, цифровизация.*

В современной ситуации философских исканий, генеральной перестановки и обновления методологии остро испытывается дефицит новых идей, новых конструкций умознания. Очевидно, что рефлексия не успевает за чередой метаморфоз реальности, а попытки успеть во что бы то ни стало чреватны риском ошибиться маршрутом. Реверс парадигмы, ориентированной на анализ научного познания, к парадигме, ориентированной на анализ ценностной позиции трансформирующегося человека, кажется своевременным как потенция философии становления личности цифровой цивилизации.

Социокультурные стандарты общества определяют и контролируют опыт познания и моделирования шаблонов осознаваемых объектов

и неосознаваемых самовосприятий. Поэтому теория информации представляет собой явление ориентации как метода измерения увеличения или изменения после получения определенного сообщения [11, с. 86].

Сегодня мы имеем дело с совершенно новой культурой, которую создали сами, и мы же конструируемся и контролируем ее. Одни поколения входят в эту среду с разной степенью активности, часто проживая в ней большую часть своей жизни. Другие уже «родились» в ней, это так называемые «цифровые аборигены» или «цифровые туземцы». Поэтому требуется осмысление, в том числе на философском уровне, как этого нового культурного феномена, так и особенностей бытия человека в нем. И здесь философии без опоры на гуманитарные «полевые» изыскания не обойтись. Методологическая междисциплинарность исследования цифровизации социальных явлений позволяет интегрировать концепции гуманитарных наук. М. Таллер отметил: «Роль гуманитариев крайне важна в этот исторический момент, так как наше культурное наследие мигрировало в цифровые форматы и наше отношение к знаниям, культурному материалу, технологии и обществу радикально изменилось» [8, с. 8].

К. Шурер подчеркнул, что междисциплинарная область исследований, объединяющая методики и практики гуманитарных, социальных и вычислительных наук с целью изучения возможностей применения и интерпретации новых цифровых и информационно-коммуникационных технологий в гуманитарных науках, стремительно набирает обороты, но социальная практика информационной культуры как умение ориентироваться в многоликом информационном пространстве, выбирать и направлять на себя нужные информационные потоки, создавать комфортную информационную среду делает только первые шаги (см. [6]). Стартом пути информации как интеллектуальной метаструктуры технологической природы можно обозначить вторую индустриальную революцию «думающих машин». Окончательная обработка термина «информация», известного сегодня как математически-количественная сторона коммуникативного обмена, завершается в цифровом коде перевода и передачи информации от источника к получателю с помощью средства связи. Глобальная цифровизация обнаруживает закономерность: в мире цифровой информации ее смыслоконтекстное наполнение определяется ведущим видом деятельности вплоть до некоего набора однотипных функций и профессиональной ориентации, о чем свидетельствует умножение цифровых неопрофессий, обладающих уникальным социально-философским смыслом в модулях социальной ценности и социальной деятельности. Они культивируют сверхценность информационной субъективности, которая проявляется успешностью алгоритмических практик самовыражения.

Последнее десятилетие интересы социальных наук действительно тяготеют к фокусу феноменологии трансформации личности под влиянием стремительного развития компьютерных технологий, формирующих информационную среду. В философский оборот вошли многозначные неологические понятия: «цифровая гуманитарность» личности, «электронная первобытность» личности, «личностная стадия цифрового предразума», «постчеловеческая цифровая персонология», «постчеловечность» и т. д. Цифровая трансформация личности вызвала к жизни множество вариантов умозрительного определения человека, в котором зарождается «личиночная» внутренняя социальность согласно различным вариантам проектирования процесса цифровизации. Это и проект социальных сетей из виртуальных личностей, это и модели цифровой личности без тела или «цифрового туловища» для цифровой личности. Их объединяет задача идентификации человека как электронного результата интеллектуальной деятельности. Любой из них сопровождается интересом цифровых неофитов и любознательной публики, и лишь проект цифровизации реальных людей встречает глобальное сопротивление из-за угрозы гуманизму, виду Номо.

Для тревог есть достаточно оснований. И главная из них судьба ценностного мира человека, до сих пор хранящего его как природно-искусственный вид. Ценностный мир социализирующего пространства жестко контролирует параметры значений и смыслов архитектоники личности. М.М. Бахтин видел это так: «Этот мир мне дан с моего единственного места – как конкретный и единственный <...> он как архитектурное целое расположен вокруг меня как единственного центра нахождения своего поступка: он находится мною, поскольку я исхожу из себя в моем поступке-видении, поступке-мысли, поступке-деле. Это позволяет образоваться архитектурному полю личности, превращая возможное единство всех мыслимых пространственных и временных отношений в действительное единство» [2, с. 124]. Речь идет о хронотопе как месте сборки пространственно-временных измерений реальности, о глубокой взаимообусловленности и взаимодополнительности индивидуально-личностного и социокультурного измерений, что служит основанием выделения хронотопных феноменов, их «внутренней социальности» как взаимосвязи временных и пространственных отношений.

Личность и становится эпицентром цифровой сборки новой феноменологии. Однако информационный «взрыв» создает условия, при которых конкретному индивиду стало сложно вычленивть в огромном потоке информации именно ту, которая необходима для его успешной социализации. В результате возникает парадоксальная ситуация, когда в обществе, для которого характерна информационная избыточность, индивид испытывает неопределенность идентификации как следствие «информационного голода». Эта проблема была осознана в качестве актуальной в середине XX в. Тогда же в американской психологии

(Дж. Келли, Л. Фестингер и др.) было сформулировано понятие «когнитивный диссонанс», когда имеющиеся у индивида знания и опыт расходятся с восприятием им актуальной ситуации. Как считал И.С. Кон, феномены ценностных ориентаций личности могут достигать осознания целей жизнедеятельности и средств, необходимых для достижения этих целей, так как самосознание «выпрямляет когнитивные компоненты образа Я, подстраивая их к уровню высших ценностных ориентаций личности» [5, с. 72–73]. Но могут и не достигать. В качестве инструмента «подстраивания» выдвигаются различные факторы, единым основанием которых выступает ведущая деятельность. По мере развертывания и изменения характера деятельности субъектно-образующее начало личности формируется присвоением социальных оценок, норм и связей ведущей деятельности, что порождает «слоистость» личностного субстрата ценностей. Эти представления напрямую соотносятся с явлением цифровизации личности.

Аксиология личности, погруженной в социокультурный тип сознания, свойственна человеку и цифровой цивилизации, радикально отказавшейся от принципа соответствия значений реальности их подлиннику. Сомнение в подлинности постсовременной личности и ее смыслов заявлено Ж. Бодрийяром [4]. Развивая тему подлинного и изменчивого, Бодрийяр вводит в анализ социального сознания человека понятие симулякра – образ, скрывающий отсутствие подлинности реальности, подобие, заменяющее реальность. Экстраполируя понятие симулякра на цифровую реальность, получаем определение феномена. **Цифровой симулякр – это псевдоним, псевдознак, замещающий реальность посредством цифровой симуляции с помощью специального программного обеспечения.** Ж. Бодрийяр указывает, что виртуальные миры становятся более реальными для человека, чем вся осязаемая реальность: «Победила другая стадия ценности, – пишет он, – стадия полной относительности, всеобщей подстановки, комбинаторики и симуляции. Симуляции в том смысле, что все знаки обмениваются друг на друга, но не обмениваются большие ни на что реальное» [3, с. 52]. Избавившись от обязанности обозначать нечто, знак вовлекается в комбинаторную игру по правилам полной неразличимости и детерминант анонимности. Правило детерминирования любой эквивалентности принуждает человеческую опосредованность активности следовать тем же маршрутом, вследствие чего дезактивируется реальное существование в феномене личностного двойничества. Существование реального человека погружается в протеистическую систему взаимодействия текстов (знаков) и образов, а личность трансформируется в языковой элемент сети, заявляя о себе лишь на выходе. Человек сознательно отказывается от реальности, вещей, предпочитая механическое подобие (электронное существование, определяемое цифровыми алгоритмами) [14, р. 383]. Солидаризируется с Р. Курцвейлом и М.Н. Эпштейн, утверждая, что «единичные вещи, прошедшие все

слои знаковой интерпретации, обнаруживают свою несводимость ни к каким знакам и становятся уникальными знаками самих себя. Этот процесс образования транссемиотического поля вокруг единичностей, природностей, данностей происходит во многих областях современной культуры именно в силу ее избыточной семиотизации, из которой в осадок выпадает весь мир означаемых. «Экстаз коммуникации» (выражение Жана Бодрийера), только усиливает вкус их «конечности», единичности, присутствия в настоящем [13, с. 328]. Но актуализируется ли в таком случае ценность должного, нормативного, того, каким должен быть разумный мир информационной личности, что делать для приведения его к благополучной схеме? Для этого необходим интерес к модальности возможного, считает Г.Л. Тульчинский [10]. Модальность возможного автор называет потенцированием бытия и в виртуальной реальности видит современный опыт потенцирования будущего как сущего, а это означает переход языка самореализации и самовыражения от статично структурального характера, не фиксирующего динамику смыслов и знаков, к их личностному порождению как различению инвариантности социального значения и личностного смысла в означаемом [1]. Однако фиксация динамики значительно осложнена «взрывным» характером изменений человека, интегрирующегося с цифровыми технологиями. В цифровой цивилизации все социально-нормативные понятия переживают радикальную трансформацию как остранение и **милианальность** прежних и сборку новых из деконструированных и смысловых неологизмов. Личностный фактор определяет характер монтажа, так как только он обеспечивает вход в новую среду экзистенциального обитания. Очевидно, что цифроцентричная личность еще не актуализировалась внутренне, но обрела внешнюю идентификацию, некий профессионально-деятельностный статус – стримера, геймера, блогера, пикчерсерфера, зерокодера, дауншифтера, тиктокера и т. д. А это протосоциальные формы самотрансцендирования цифроцентричной личности, формы ее самоопределения. Среди социальных сфер существования они алгоритмически специфичны, так как основаны на разных цифровых технологиях. Этот дисплей цифровых деятельностей уже позволяет претендовать на принадлежность их акторов к новой цифроцентричной социальной группе личностей глобальных идентичностей самоопределения. Они разнятся и как формы самопредъявления, и социального взаимодействия, и социальной проблематизации реальности. Образный априоризм сетевого человека, означающий способность человека строить априорные модели объектов и событий, проходит эволюционную фазу опытного приспособления к технической рациональности цифровой цивилизации. Пользуясь эвристическими моделями субъективного благополучия в локальном информационном пространстве, инфочеловек маршрутизирует свой коммуникационный серфинг. Заменяя личные контакты информационными, чело-

век взаимодействует с внутренними мирами других людей. Воображаемые миры информационного генезиса осуществляют столкновение пассивных потоков техносферы, заменяя место реального человека. Гибридный человек живет в настоящем, так как его родовой и исторический опыт фрагментарен и обрывочен, а выбор поведения произволен. Внедрение при помощи нейросетей искусственного интеллекта продвигает образ «аквариумной» жизни в электронной цивилизации.

Этому способствует цифровое образование, которое отменяет все то, что существовало почти десять веков и теперь заканчивается навсегда. Дистантная форма образования ведет к тому, что студенты больше не будут жить в городах, где расположены их университеты. Вместо этого они будут слушать лекции в своих комнатах и иногда разделенные сотнями километров от тех, кто раньше были их однокурсниками. В маленьких городах с некогда престижными университетами с улиц исчезнут сообщества студентов, которые составляли самую живую их часть. Образ жизни меняется на основе изменения коммуникации так, что становится очевидным, что перенос принципов и методов реального взаимодействия в цифровую среду невозможен. Выработка новых моделей коммуникативного поведения исходит из основ цифровой среды и ее системы видов деятельности, т. е. цифровых алгоритмов как инструментов, определяющих изменение поведенческих моделей. Социальное бытие порождает социальные переживания, отражающие как отношение человека к социальной реальности, так и свое место в ней.

К примеру, цифровые антропологи замечают, что цифровых «туземцев», родившихся в цифровой цивилизации, отличают пластичные паттерны взаимодействия с алгоритмами обработки информации в силу высокой структурированности потоков информации. Для них характерны более демократическое (агентность, смелость) производство контента, смелость вхождения в «поток», слабая цензура коллектива в производстве контента и т. д. Цифровые мигранты, выходцы из аналоговой докомпьютерной цивилизации, этими свойствами не отличаются [15]. Несмотря на вариативность сетей и видов деятельности в Интернете, личностная аутентичность слабо просвечивает через алгоритмическую заданность субъекта деятельности. Реальная ценность личности, отражаясь в зеркале программ виртуальной деятельности алгоритмическими проекциями, унифицируется значимостью результата в зазоре «из неизвестности в топ» Так возможно ли обоснованное представление об архитектонике цифроцентричной личности?

Некоторые результаты исследований деятельности поставляют когнитивисты. К примеру, они утверждают, что цифроцентризм компьютерной деятельности характеризуется отсутствием избыточных знаков в сообщениях, опорой на память, хранимую цифровыми носителями и с постоянно убавляющимся содержанием, ценностью хранения, передачи и изменения информации в соответствии с определенными правилами

промежуточной аксиологии личности как неким синтезом антропной личности с искусственным интеллектом. Этого достаточно, чтобы заключить:

– во-первых, цифроцентризм обеспечивает личности в окружающем мире новый тип ориентации, который воспринимается человеком прежде всего в простых категориях правильного и ошибочного вместо аксиологии приятного и неприятного;

– во-вторых, цифроцентризм личности представим схемой аналога двухмерной системы координат. Вертикаль представляет степень коллективности (по оси координат уменьшается количество свободы и гуманитарности индивида вплоть до абсолютного их исчезновения), по горизонтали располагаются аргументы (+, –) социального ядра – личности. Этот подход позволяет выделить уровни цифроцентризма и описать на каждом из уровней факторы в системе характеристик: реальность/виртуальность, деструктивность/позитивность, духовность/бездуховность, индивидуальность /социальность и т. д. Чем пожертвует личность в пользу цифроцентризма и что приобретет? Оспорен индивид или подавлена социальность своего рода «личинной» стадии цифрового предразума личности? На общем фоне пока он слабо опознаваем, но достаточен для предположений, что слабый цифроцентризм не препятствует обогащению личности в атмосфере дружбы, взаимопонимания и поддержки со стороны единомышленников. Культура ментальных репрезентаций в таком случае замещается симулятивно-техническим отражением культуры (письменностью и визуальностью электронных программ), что ведет к симулякризации существования человека и общества. Об этом убедительно заявляет цифровая антропология в работах К. Ратти, М. Клодела «Город завтрашнего дня: сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни» [7] и Е.Е. Таратуты «Философия виртуальной реальности» [9].

Скептическое отношение к перспективам цифрового тренда личностной трансформации представлено рефлексией С.С. Хоружего: виртуальная реальность являет собой «не род, но недо-род бытия. Виртуальная реальность – недо-выступившее, недо-рожденное бытие, и одновременно – бытие, не имеющее рода, не достигшее «постановки в род. Однако все существующее не есть виртуальность. В бытии-действии виртуальная реальность – только недород бытия, низший горизонт минимальных недо-обналиченных событий» [12, с. 66]. Скептицизм вырастает из понимания, что плюралистический мир цифроцентричной личности не сводим ни к какому единому объединяющему принципу, так как инфопоток как среда самоактуализации утверждает структуры эффективной множественности, а сетевая деятельность человека представляет собой различные «языковые игры», суть которых восходит к картине мира как коллажу, принуждающему к усиленным поискам самоидентичности

в бесконечной информационной локализации на основе цифровых практик конфискации, цитирования и повторения ранее произведенной информации.

Таким образом, информационное пространство перенимает функции классического субъекта, трансформирующего себя самого способами работы с предметностью, переопределяя значения и смыслы своих повседневных практик с помощью прагматико-технологических моделей «цифрового разума». Сферой социализации личности в цифровом пространстве выступает коммуникация, переведенная на язык алгоритмов письма, образов, тематизаций и ретематизаций необратимо ценностного генезиса той или иной культуры, господствующими в данном обществе нормами и правилами общения, усвоенными личностью в процессах обмена информацией.

Влияние симулятивной реальности на личностную структуру в сфере представлений о социальном состоит в трансформации личностных представлений о реальности и последствий ее программного опосредствования, а именно: подлога реальности и сокрытия непосредственного отсутствия реальности. Такая перспектива виртуальной гибридации человека как раздвоения целостности представляется вполне возможной. Вступление в особые отношения с информационным миром как с повседневной практикой формирует новое сознание, новые привычки и поведение. Цифровизация определяет состояние самосознания личности, изменение ее культурной памяти, так как инфопространство не гарантирует подлинности исторического контекста и возможности осознания исторической подлинности; повышает уровень абстрактности социального и расширяет свободу коммуникативного взаимодействия, порождает проблемы социальных норм и поведения в информационном взаимодействии.

Социальность цифроцентричной личности формируется за счет расширения идентификационных границ. Овладевая новыми инструментами социальной идентификации (медиация, софт), человек возникает из алгоритмического воображения (К. Вульф). Так осуществляется тонкое (по умолчанию) производство и регулирование цифровой социальности, демиургом которой стал компьютер. В свете массовизации визуального цифрового происхождения образов современного человека ни наукой, ни философией не получены ответы на вопрос: аутентичны ли цифровые образы? Являются ли они отражением реальности, а если нет, то каково восприятие реальности цифроцентричной личности? Так как цифровой образ является следствием математической симуляции, результатом сложных расчетов, может ли он связывать личность с формами реального человеческого бытия, т. е. служить материалом ментального проектирования, при отсутствии которого личностные структуры не могут формироваться? И этот вопрос пока не получил ответа.

Список литературы

1. Баткин Л.М. «Не мечтайте о себе»: О культурно-историческом смысле «я» в «Исповеди» Блаженного Августина. М.: РГГУ, 1993. 80 с.
2. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: ежегодник 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. 96 с.
5. Кон И.С. Открытие Я. М.: Политиздат, 1978. 367 с.
6. Можаяева Г.В., Можаяева-Ренья П.Н., Сербин В.А. Цифровая гуманитаристика: организационные формы и инфраструктура исследований // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 73–81.
7. Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня: сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни. М.: Изд-во института Гайдара, 2017. 248 с.
8. Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2012. № 1. С. 5–13.
9. Таратута Е.Е. Философия виртуальной реальности. СПб.: Изд-во С.-Петербур ун-та, 2007. 147 с.
10. Тульчинский Г.Л. Глубокая семиотика и постчеловеческая персонология // Homo philosophans: сб. к 60-летию профессора К.А. Сергеева. Сер. «Мыслители». СПб.: Санкт-Петерб. философ. общество, 2002. Вып. 12. С. 423–438.
11. Фрит К. Мозг и душа. Как физиология формирует наш внутренний мир. М.: АСТ, 2020. 335 с.
12. Хоружий С.С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 56–69.
13. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. М.: Советский писатель, 1988. 417 с.
14. Kurzweil R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. New York: Viking, 2005. 602 p.
15. Miller D. and Heather A. Horst. Digital Anthropology. London; New York: Berg, 2012. 316 p.

DIGITAL SPACE AND ALGORITHMIC PROGRAMMING OF PERSONAL SOCIALIZATION

S.V. Davedenko

Samara State Technical University, Samara

The article analyzes the phenomena of a new culture – digital, requiring the integration of approaches and methods of the humanities, social and information, computational sciences, since in a digital civilization there is a reassembly of all norms and values of «ordinary» sociality. The new posthuman digital sociality is associated with the digital transformation of the personality not only at the level of neo-professions, but also in the semantic field and in the system of values. The article

discusses the concept of «digital simulacrum» as a pseudo-sign that replaces reality by means of digital simulation using special software. The personality refuses reality, including the reality of the sign, replacing both reality and meaning with an image, a picture, a sign of a sign – the digital personality no longer has a body and meaning, becoming a sign of itself. The author explicates informational subjectivity as the success of algorithmic self-expression practices. For this purpose, the concept of «digital-centric personality» has been proposed, which is identified primarily through an external locus, professional-activity status, neo-profession – streamer, gamer, blogger, serfer pictures, zero coder, tik tok user, etc. The digital-centric one is already a digital simulacrum, but still a person who has a transitional, intermediate axiology from anthropic, human values to the values of exclusively artificial intelligence.

Keywords: *social values, algorithmic practices, digital-centric personality, digitalization.*

Об авторе:

ДАВЕДЕНКО Светлана Викторовна – аспирант кафедры философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара. E-mail: davs@inbox.ru

Author information:

DAVEDENKO Svetlana Viktorovna – PhD student of the Samara State Technical University, Samara. E-mail: davs@inbox.ru